

Шум был не то чтобы невыносимый, но он отвлекал Миру от подготовки к экзаменам. Хотя, если быть до конца честной, после пяти суток бесконечной зубрёжки Мира была готова отвлечься на что угодно, включая странного голубя за окном. Но эй – этот голубь был действительно странным. Стук в пол повторился. Объективно, стук был куда подозрительнее того голубя: ощущение было такое, будто соседки бегали по потолку, а затем начали – по потолку же – двигать что-то тяжелое и скрипучее вроде кровати, периодически роняя эту кровать себе на ноги и вскрикивая. Если Мира правильно помнила, то под ней жила довольно тихая и спокойная семья с ребенком школьного возраста: никто не устраивал громких вечеринок, никто ни на кого не кричал и никто ни с кем не скандалил.

Мира вздохнула, голова отказывалась работать, текст перед глазами расплывался. В пол снова постучали, а затем громко поскреблись. Мира вздохнула ещё раз и поняла, что с этим надо что-то делать. Она решительно встала из-за стола и не менее решительно вышла из комнаты. Через три минуты она также решительно вернулась с чашкой кофе, твёрдо пообещав себе, что больше не будет отвлекаться.

Через десять минут Мира спускалась по лестнице.

Звонок на двери исправно выдал приглушенную трель, но открывать, похоже, никто не собирался. Мира упрямо нажала на кнопку ещё пару раз, и наконец в замке заскрежетали, и на пороге появилась соседка.

– Ой, Славочка, ты не очень вовремя, – пролепетала женщина.

– Вы не могли бы перестать шуметь? – вообще-то Мира планировала быть куда более

категоричной, но крайне вымотанный вид женщины заставил её смягчиться.

– Мы постараемся закончить как можно быстрее, но я не знаю когда... – в этот момент откуда-то из комнаты раздался сдавленный вскрик, который сменился скулежом и громким скрипом. Мира моментально нащупала в кармане телефон.

– Что у вас там происходит? Я сейчас полицию вызову!

– Не надо полицию! – в ужасе воскликнула женщина и в одну секунду затащила Миру в квартиру, тут же захлопнула дверь и чуть дрожащим голосом продолжила. – Ты проходи, сейчас всё сама увидишь, всё поймёшь.

В комнате, куда её привели, – детской спальне, догадалась Мира – было довольно тесно. Метраж явно не был рассчитан, что в помещение однажды набьётся шесть человек. Зато что-то мерно и уютно потрескивало. Соседка тут же метнулась к мужу и что-то ему отчаянно зашептала, отвлекая от разговора. Мира тем временем присмотрелась к его собеседникам. Одним из них, к её удивлению, настолько сильному, насколько вообще способен удивляться человек за день до экзаменов, оказался священник. Обычный православный священник, в чёрной рясе, с бородой и крестом. Рядом со священником стояла женщина в пестрой юбке, каких-то живописных лохмотьях и многочисленных украшениях. Мире даже показалось, что она видела эту даму в рекламе на каком-то сайте. Дама предлагала снять и наложить сглазы и прочую муть. Священник периодически неодобрительно поглядывал на пеструю женщину, но продолжал вести с ней довольно заинтересованную беседу. Невзрачный мужчина во всём чёрном стоял у окна и нервно тербил крупный кристалл-кулон. Периодически

мужчина с тревогой поглядывал вверх. Мира вдруг поняла, что вообще-то все, находящиеся в комнате, даже вернувшаяся соседка, периодически с тревогой поглядывают вверх, – и подняла голову.

К потолку в лучших традициях фильмов ужасов прилип спиной соседский сын и мерно, уютно потрескивал. Поймав взгляд Миры, он с силой ударил пяткой в потолок. «Так вот откуда этот странный звук», – отстранённо подумала Мира, глядя в абсолютно чёрные, без намёка на белок глаза.

– О... ко...пу...но, – внезапно протянул юноша – нечто – не отрывая взгляд от Миры. Возможно, он был рад новому существу. Если он, конечно, вообще понимал такую концепцию как радость.

– Славочка, – соседка неслышно очутилась рядом, и Мира вздрогнула, – ты ведь никому не расскажешь? Ты иди тогда домой, мы как-нибудь справимся. Вот Дормидонт Аристархович кое-что придумал. Надеюсь, это поможет Димочке.

Димочка на потолке заскрежетал.

– Нос... corpus... non... egeo... – глухо протянул он сорванным голосом, проворно отползая от отлипшего от окна невзрачного мужчины.

Невнятные звуки внезапно сложились в нечто странное. Мира остановилась, совершенно проигнорировав соседку, продолжавшую настойчиво выпихивать её в коридор. Вот ведь будет стыдно, если ей просто почудилось. Это всё экзамены, везде теперь мерещится.

– Что ты сказал? – строго и настойчиво спросила Мира, глядя на забившегося в угол Димочку. Точно будет стыдно. Вот ведь не повезло людям: одержимый сын и пришибленная соседка.

– Нос corpus non egeo. Cupio discedere, – скрипуче произнёс тот, кто сидел в соседском сыне, растягивая гласные и с булькающим рыком глотая окончания враз. Мира еле разобрала ответ.

– Ubi? – уточнила Мира, старательно подбавляя форму глагола.

– Ой, Божечки! – забытая соседка шарахнулась в сторону, – Лёш, она тоже!

После её вскрика в комнате начался хаос. Миру чем-то полили, потом чем-то посыпали, сладко запахло цветами и дымом, в глазах защипало. Сверху слышалось шипение и глухие удары, похоже, соседского сына тоже

активно поливали, посыпали и окуривали. Он снова заскрежетал, торопливо и сбивчиво пытаясь что-то сказать, проглатывая слова, рыча и шипя. Мира смогла разобрать только «hinc» – «отсюда», «libertas» – «свобода», «obsecro» – «пожалуйста» и «dolet» – «больно».

В Миру снова что-то плеснули, с волос закапало, за шиворот потекла холодная вода. Пестрая женщина что-то запела, священник начал молиться. Мира чихнула. Нечто, кажется, заплакало. Оно хныкало и скулило, из скрипучего монстра моментально превратившись в испуганного ребенка. Зависшего на потолке испуганного ребенка. Песнопения, плач, скрип и причитания соседки слились в душераздирающую какофонию.

– Хватит! – Мира закричала, ещё сильнее зажмурив глаза. И всё стихло. Мира осторожно открыла глаза в полной тишине. Застывшие на середине слов и движений люди испуганно смотрели на неё. Пожалуй, впервые в жизни Мира поняла старосту, которой иногда приходилось утихомиривать возмущённую аудиторию человек в пятьдесят и которая явно носила в термосе вино вместо чая.

– Unde veniebas? – Мира очень надеялась, что не наделала ошибки. Почему-то страшнее всего её было оттого, что она могла ошибиться перед лицом носителя языка. Сущность носителя пугала её куда меньше.

– Artificium. Lapis, – существо говорило медленно, делая паузы перед каждым словом. Мира даже задумалась, было ли дело в том, что ему сложно пользоваться человеческими связками, или в том, что оно также никакой не носитель и испытывает примерно те же сложности с выбором слов. – Ibi me comprehendunt.

– Вы недавно находили что-то древнее и каменное? Оно говорит, что было заперто там, – вольно «перевела» Мира, обернувшись к остолбеневшей группе.

– Какой ещё камень? При чём тут это? – возмущился было сосед, но жена тут же перебила его, затараторила, не отрывая от Миры полного надежды взгляда:

– А ведь был камень! Мы же в отпуске камень подобрали, ну, вспомни, Лёш! Странный такой, если приглядеться, то ли на морскую звезду похож, то ли на человечка. Дима ещё сказал, что с собой заберёт, а ты заупрямился.

– Ну да. Он же взрослый парень, двенадцать лет уже, а какой-то камень ему вези, – неохотно ответил сосед. Соседка тут же встрепенулась и достала с полки черный камень странной формы, который действительно был похож на какую-то фигурку, черты которой очень долго смягчали и смывали морские волны.

С потолка громко засопело и заскрежетало, как показалось Мире, одобрительно. Священник и Дормидонт Аристархович устало переглянулись.

– Potes revenire? – тут же уточнила Мира.

– Non.

– Он не может вернуться обратно в камень, – пояснила Мира и, подняв руку, чтобы предупредить возможные расспросы, продолжила, – нос corpus potes discedere?

– Non.

– Он не может покинуть тело мальчика, – Мира искренне надеялась, что спросила именно это, а не хочет ли дух поесть мяса на ужин, например.

– Да чего его спрашивать-то?! Мы его сейчас просто изгоним. Я медиум в шестом поколении, мелкие бесы вроде этого одного моего взгляда боятся, – запальчиво вклинулся Дормидонт Аристархович. Пестрая женщина из-за его плеча закивала, мол, иди девочка, куда шла, не мешай профессионалам работать.

– Вы уже пятый час его «изгоняете», а заговорил он, только когда Мирослава пришла, – хмуро осадил медиума сосед.

– Нос corpus non egeo, – повторило существо, видимо, среагировав на громкие выкрики. Похоже, оно тоже не хотело, чтобы его поливали и посыпали.

– Ему не нужно это тело, – тут же пояснила Мира, – думаю, всё получилось случайно.

– Тогда что ему нужно? – тихо спросил священник.

– Уйти. Он хочет просто уйти, – Мира ожидала, что священник начнёт спорить, будет настаивать, что демона необходимо изгнать, а духа упокоить. Но тот лишь задумчиво поглядел на потолок, куда-то мимо застывшей там мальчишеской фигурки. Мира решила, что её психику защищают только два несчастных часа сна и пять кружек кофе.

– Quare non potes?

– Aqua, pulveres, herbae, mixti.

– Его надо помыть, – Мира очень хотела бы быть настолько же уверенной, насколько звучал её голос. – То, чем его поливали и посыпали, смешалось и теперь не дает ему выйти из тела.

Соседка охнула. Посмотрела на сына на потолке, оглянулась на экзорцистов, снова посмотрела на сына. И неуверенно протянула вверх руки.

– Descende, – пояснила Мира. Она хотела объяснить, что никто не хочет причинять сущности вреда, но не смогла вспомнить нужные фразы, а потому ограничилась простой просьбой слезть. И изобразила жестами, будто отряхивает себя, а потом будто что-то летит от её груди, в надежде, что существо поймёт.

– Me non comprehendes? – тихо и как-то доверчиво спросило существо.

– Iuro.

Сделав жест, похожий на удовлетворенный кивок, нечто проворно доползло до стены и спустилось на пол, встало, чуть ссутулившись и неуверенно поводя руками. С первого взгляда обычный подросток, да и со второго – тоже. Если бы Мира не знала, и не подумала бы никогда, что соседский сын одержим. Ну стоит немного косо, ну нервно дергается, моргает заторможено, у них тогда перед экзаменами полкафедры в одержимых обращается. Соседка с опаской взяла сына за руку и двинулась было в сторону ванны, остановилась и как-то смущенно посмотрела на мужа. Тот вздрогнул, кивнул и аккуратно увлёл за собой сына и то, что пряталось в нём.

Из ванной раздался плеск воды и тихий голос соседа. Мира села прямо на пол. Выдохнула. Атмосфера в комнате неуловимо изменилась, будто разом выдохнули все. Будто сама комната наконец-то выдохнула.

Соседка аккуратно присела на кровать, Дормидонт Аристархович снова уставился в окно, а пестрая женщина устроилась в компьютерном кресле. Священник привалился к столу, задумчиво покручивая крест.

– Что значит «юро»? – внезапно спросила она.

– «Клянусь», – ответила Мира, не открывая глаз.

– Ой, что же ты ему пообещала, Славочка? – тут же встревоженно поинтересовалась соседка.

– Что я не буду запираю его обратно в камень. Честно говоря, я даже и не знаю, как его в камень запереть.

– А как же с ним дальше? – продолжила волноваться соседка.

– Ольга... – Мира поняла, что опять напрочь забыла отчество соседки, та понятливо махнула рукой, призывая продолжать, – нам же сейчас главное – Диму освободить, а дальше что-нибудь придумаем. У вас ведь вон сколько экспертов. Много.

– Мы человек двадцать позвали, – с тяжелым вздохом сказала соседка, – я вчера проснулась, а Димочка странный, какую-то тарбарщину говорит, дергается, я не разобралась, прикрикнула на него, а он от меня на потолок сбежал.

Руки соседки подрагивали. Она снова вздохнула и продолжила тихо и слишком размеренно. Смотрела она в стену перед собой и даже не пыталась взглянуть на собеседницу.

– Лёша сказал, что позовём всех, кого найдём, кто-нибудь да справится. У нас тут уже было три священника, один раввин, пять потомственных ведьм, три медиума, один шаман вуду, один астральный чтец, семь экстрасенсов и один старец, – соседка начала покачиваться, – эти трое просто самые стойкие. Остальные заходили, смотрели. Кто-то кричал, кто-то сразу сбежал, одна ведьма и старец нас даже проклясть на бегу успели. Некоторые поспокойнее были, спрашивали, где скрытые камеры установлены, предлагали сотрудничество.

Эти трое никак не реагировали на историю. Священник молился, задумчиво касаясь креста. Пестрая женщина выудила откуда-то из своих многочисленных одежд объемную фляжку, отхлебнула, крикнула, подумала и хлебнула ещё, поймала заинтересованный взгляд Дормидонта Аристарховича, предложила ему фляжку, тот не отказался.

– Часто у вас бывает, ну, такое? – Мира неопределенно взмахнула рукой в воздухе и уставилась на экспертов. Она сама не поняла, зачем спросила. Не то чтобы ей сейчас было интересно что-то, кроме двенадцатичасового сна и долгожданного закрытия сессии. Просто жизнь как-то не готовила её к разговорам с прилипшими к потолку мальчиками. К существованию неких существей, которые вселяются в прилипших

к потолку мальчиков, жизнь её тоже не готовила. До этого дня Мира была уверена, что факультативная латынь могла ей понадобиться разве что для диплома о сравнении образа Вергилия из «Божественной комедии» с Вергилием историческим.

Медиумы-экстрасенсы-колдуны переглянулись и неопределенно пожали плечами. Священник помотал головой. Только сейчас Мира заметила, как неуверенно и испуганно вели себя все трое. Храбрились, конечно, держали лицо, профессионалы как-никак, но слишком уж выбила их эта ситуация из колеи. Все трое вовсе не выглядели заправскими охотниками на нежить, для которых всё происходящее – обычный вторник. Вероятно, и барьер для сущности у них вышел случайно, что-то с чем-то прореагировало, узнать бы, наверное, ещё что и с чем. Мира задумалась, что же не позволило им уйти вслед за остальным: невероятная вера в собственные силы, страстное желание помочь или же болезненная гордость. А что не дало уйти ей самой?

– А вот и мы. Встречайте бойца! – громко и преувеличенно бодро возвестил сосед, подталкивая перед собой сына так, будто бы собирался рассказывать гостям, как тот победил в районной олимпиаде. Димочка поёжился, сходство с подростком стало идеальным. Мира подумала, что это, наверное, истерика.

Все в комнате снова оглянулись на Миру. Она поспешила встать, с неудовольствием отметив, что мальчик почти поравнялся с ней в росте. Димочка был одет в чистое и несколько мокрые.

– *Artificium*, – проскрежетал он, моментально разрушая иллюзию.

– Нужен предмет. Обязательно что-то рукотворное, – тут же среагировала Мира, – желательно что-то ненужное. И чистое, не посыпанное всем этим.

Дормидонт Аристархович тут же отдернул руку с кристаллом.

Спустя пару минут суеты в руках Миры оказалась плюшевая жаба с галстуком-бабочкой. Шуточный подарок Диме от друзей Димы, как мельком пояснила соседка.

– *Incorporeus spiritus invito te*, – подсказал тот, кто всё ещё томился в детском теле.

– *Incorporeus spiritus invito te*, – послушно повторила Мира.

Мира сунула жабу под нос существу. То кивнуло. Потом вздрогнуло. Потом затряслось.

Потом Дима судорожно вздохнул и разрыдался. А жаба поправила бабочку.

– Ну, я пойду? – неловко спросила Мира, наблюдая за тем, как рыдающие родители обнимают рыдающего сына, – экзамены, всё такое.

Мира не сомневалась, что должна забрать жабу. Никто на неё и не претендовал. Единственный вопрос, который смущал Миру, может ли она нести жабу просто подмышкой, как обычную плюшевую игрушку, или это всё же будет неуважительно. Эксперты по нечисти тоже осторожно потянулись на выход. О плате за изгнание духа они не заикались. Священник похлопал Миру по плечу, а затем перекрестил. Он выглядел несколько потерянно.

Поднимаясь к себе с плюшевой жабой в вытянутых руках, Мира подумала, что это был достаточно странный день, а потому экзамен точно должен пройти без проблем. Должна же быть в этом мире справедливость. Вот духи же есть, почему бы не существовать справедливости. Начать думать о том, что она только что изгнала какого-то беса и эта сущность теперь, видимо, будет жить с ней, Мира решила только после того, как лектор распишется в зачетке. Сущность вяло пошевелила плюшевой лапой. Мира неуклюже одной рукой открыла дверь, прямо в обуви прошла в комнату и посадила жабу на стол. Подумала, что надо что-то сказать, подумала, что больше не может. Открыла онлайн-переводчик. На скорую руку написала пару абзацев о том, что так общаться ей будет проще, и о том, что сейчас ей нужно готовиться к важным экзаменам, а обсудить сегодняшний день они смогут позже. О том, что «позже» у неё, вероятнее всего, будет нервный срыв, Мира тактично умолчала.

Жаба кивнула. Мира отхлебнула холодный кофе. Открыла «Википедию» на латыни

и очень медленно показала сущности, куда жать, чтобы открыть новые статьи. Сущность заинтересовалась. Мира вернулась к лекциям. Жизнь потекла своим чередом.

– Quod tu es? – спросила Мира через час, отвлекшись от чтения, чтобы размять шею. Вопрос, что же такое она обнаружила, не давал ей покоя всё это время, хоть и немного фоново. Плюшевые пальцы застучали по клавишам. «Википедия» продемонстрировала страницу про демонов.

– В общем-то, ожидаемо, – пробормотала Мира и пошла ставить чайник.

Звонок в дверь прозвучал, когда Мира уже допила полчашки чая, а демон заинтересованно просматривал галерею картин Уотерхауса. Звонка Мира тоже ждала. Если что и было для нее очевидным за весь этот день, так это то, что теперь к ней должна прийти какая-то организация, которая занимается тем, что скрывает от обычных людей мир демонов, духов и кто там, оказывается, тоже существует, а также поддерживает баланс, решает конфликты и спасает людей от распоясавшихся сущностей. Ведь если они существуют, то кто-то же должен их прятать и контролировать. Иначе бы Мира о них знала.

Звонок прозвенел ещё раз, выдерживая Миру из размышлений.

За дверью стояла девушка в плаще с глухим капюшоном, из-под которого было видно только половину лица и выбивающиеся волосы.

– Мирослава? – строго спросила девушка. Мира поняла, что сейчас её попросят либо присоединиться к тайной организации, либо пройти какую-нибудь процедуру стирания памяти.

– Мне порекомендовали обратиться к вам. Понимаете, у меня есть небольшая проблемка. Вы ведь занимаетесь подобным?

Девушка открыла рот. Мира задумчиво посмотрела на аномально длинные клыки.